

Мольберт

Я живу в старом трехэтажном здании на Александровском проспекте. Возвращаясь домой, я прохожу по одной из разновысоких галерей, опоясывающих дом по периметру внутреннего дворика. Такой стиль в Одессе называют греческим. Галереи, заставленные сундучками, шкафчиками и другим отжившим век хламом, летом становятся излюбленным местом встреч жильцов дома, стремящихся поделиться друг с другом последними новостями.

На третий этаж можно подняться по наружной лестнице, прилепившейся к дому со стороны двора, или через подъезд. Выйдя на галерею, я миную четыре квартиры. Далее расположены две следующие, причем вход в последнюю из них является искусственным окончанием свободного прохода по третьему этажу. Данную привилегию самочинно присвоили себе первые обитатели квартиры № 8, и оспорить ее пока никому не удалось. У нашего дома есть интересная особенность, приводящая в смущение почтальонов. Я часто наблюдаю, как они растерянно ищут квартиру № 9, не подозревая, что их на этаже — четыре. Три следуют одна за другой, соседствуя, как положено, с восьмой и десятой, а четвертая находится совсем в другом месте. Но письма все равно находят адресата! Софа из одиннадцатой квартиры, расположившаяся в плетеном кресле на веранде с сигаретой и чашечкой кофе, всегда готова помочь работнику министерства связи. Она проживает здесь с тех пор, как ее принесли из роддома, и знает о жильцах все. Мужа Софы зовут Ося. Он дружит с еще одним старожилом дома — Валентином, проживающим в той самой квартире № 8, что успешно приросла общественным балконом. Если у вас что-то сломалось, перегорело, протекло или прохудилось, обращайтесь к Валентину — он никогда не отказывает в помощи! А обращаться приходится часто, поскольку последний раз городские коммуникации в нашем районе ремонтировались еще до хрущевской оттепели!

Я живу в средней квартире № 9. Слева от меня благоденствует нелюдимый тип, чье имя никому не известно. Он похож на скрывающегося от правосудия уголовника, но с существенным отличием — у него поразительно яркий взгляд. Этот человек живет в свое удовольствие, порой исчезая на длительный срок и никогда не обременяя себя ранним подъемом и регулярным уходом на работу. О нем ничего не знает даже Софа. Изредка к соседу заходят привлекательные девушки, но никогда не задерживаются надолго.

В правой девятой квартире существует (по его собственным словам!) тридцатилетний Яков. Его жену зовут Рита, и она (по ее словам!) — настоящий ангел, но только до того момента, пока Яшенька чем-нибудь ее не расстроит. К несчастью, неосторожный Яков умудряется расстраивать кроткую Риту не реже одного раза в час. Летом, при открытых окнах, количества децибел ее голоса хватает, чтобы собрать для прослушивания трепетной мелодии семейного скандала всех окрестных меломанов.

После очередной трепки Яков заходит ко мне стрельнуть сигарету и покурить на балконе, чтобы унять дрожь в руках. Если в это время на веранде появляется Марина из десятой квартиры, то он обязательно громко произносит:

— Жениться надо было не на еврейке, а на татарке!

Симпатичная Марина молча улыбается. Татарское воспитание не позволяет ей вступать в разговоры с мужчинами без серьезного повода. Яков постепенно успокаивается, а минут через двадцать отходчивая Рита принимает мужа обратно.

Однажды, когда мы с Яковым перекуривали после очередного скандала, на веранде появился неразговорчивый сосед из квартиры № 9.

— Слышали, как она меня? — обратился к нему Яков, ища сочувствия.

— Нет! — сосед попытался проскользнуть между нами.

— А хотите послушать? — предложил я. — Можно его обратно в квартиру впихнуть.

— Неинтересно! — отказался сосед. Незнакомец умел точно выразить свою мысль, пользуясь минимальным количеством звуков. Я внимательно взгляделся в его лицо: оно абсолютно ничего не выражало, а глаза необычно светлого оттенка смотрели мимо нас с Яковым, наблюдая чужие измерения. Заметив мой интерес, таинственный сосед на одно мгновение впустил меня в свой обособленный мир, а затем вновь захлопнул заслонку, отделяющую этот мир от окружающей его вселенной.

— Почувствовали? — в его голосе не было удивления — только констатация факта.

— Почувствовал! — отозвался я, ощутив легкий озноб.

— Что почувствовал? — спросил толстокожий Яков.

— То, что ты нуждаешься в помощи! — быстро ответил я и спросил загадочного соседа: — У вас есть идея, как решить его семейную проблему?

— Ответ всегда находится в вашем кармане! — невыразительным голосом произнес сосед и направился к своей квартире.

Простодушный Яков начал шарить по карманам, но не нашел в них ничего, кроме скомканного обрывка газеты.

— Экономить на туалетной бумаге? — поинтересовался я.

— Это кулек от семечек.

Я расправил листок. На одной его стороне размещалась скучная статья о пользе хранения денег на банковских депозитах, а на другой было напечатано следующее четверостишие (приведено с согласия автора — Е. Мучника):

Одно и то же мы друг другу
Твердим во время ссор с супругой,
И я решил в семейных драмах
Ругаться с ней под фонограмму.

Я вновь почувствовал озноб, поскольку сосед оказался настоящим провидцем. Яков пришел в восторг от идеи, и теперь дело было за мной: для успешного осуществления проекта требовалось написать подходящую компьютерную программу.

Вечерний спектакль проходил при аншлаге. Заслышав жизнеутверждающую партию Риты, подтянувшиеся зрители удобно устроились на сундучках и ящиках, а самые молодые — на перилах галереи. Опытная Софа явилась с мужем, складным стульчиком и чашечкой кофе. Скандал протекал по обычной схеме: Рита бегала по кухне, громко стуча, звякая и брэнча всем, что попадалось ей под руку, а Яков, закрывшийся на всякий случай в комнате, на пронзительные крики жены смиренно отвечал: "Да, дорогая!" и "Нет, дорогая!".

В партере и на галерке оживленно комментировали происходящее. Некоторые женщины находили упреки Риты обоснованными, но полного единодушия среди зрителей не было. В пылу дискуссии никто не обратил внимания на Якова, поднявшегося на галерею со двора. Это был нехитрый трюк: наружное окно его комнаты расположено над крышей соседнего двухэтажного дома, откуда легко попасть через чердачный люк в подъезд.

— У меня на руках слезла кожа от постоянного мытья посуды, а ты хоть бы раз тарелку со стола убрал! — надрывалась Рита.

— Да, дорогая! — слышался смиренный ответ Якова. Голос доносился до зрителей сквозь форточку окна, выходящего на веранду.

— Ты хочешь довести меня до инсульта?

— Нет, дорогая!

Причина ссоры всегда была тривиальной: Яков либо забыл помыть за

собой посуду, либо пролил чай на столешницу. Первым соседа заметил муж Софы.

— Яшенька, поражаюсь вашему терпенью! Она кроет вас на чем свет стоит уже полчаса, а вы так вежливо ей отвечаете.

— Вы — идеальный муж! — присоединилась к нему Софа.

Яков приосанился. Я был поражен тем, что соседей никак не смутила нелепость ситуации: главный герой семейной драмы не мог находиться одновременно в своей комнате и на веранде. Пока вдохновленный поддержкой соседей Яков блаженствовал снаружи, внутри квартиры его компьютер исправно выполнял свою работу, наудачу вставляя в паузах один из двух приготовленных заранее ответов. Без отпора со стороны мужа наступательный пыл Риты начал заметно ослабевать. Соседи оживленно обсуждали перелом в развитии событий, поздравляя Якова с победой.

Возможно, они делали это слишком громко, поскольку дверь квартиры внезапно отворилась, и на веранду выглянула раскрасневшаяся Рита. Увидев мужа в центре многочисленной группы зрителей, она запальчиво воскликнула:

— Так вот ты где! Захотелось надо мной поиздеваться?

После короткой, но эффектной паузы из комнаты донесся ответ:

— Да, дорогая!

Опешившая Рита хотела что-то сказать, но только хватала ртом воздух. Испуганный Яков безуспешно пытался спрятаться от жены, втиснувшись в узкую щель между двумя шкафчиками. Зрелище завершилось овацией.

— Полный успех! — слова таинственного соседа, возникшего ниоткуда, были полны иронии.

— Ваша идея! — парировал я. — Кто дал совет искать в карманах?

— Мои слова не следовало понимать буквально! — он направился к выходу, но остановился. — А вы любопытный тип!

— Это я и сам знаю! — в ответе прозвучали не столько вызов, сколько горечь, вынудившая собеседника внимательнее взглянуть в мое лицо. Его светлые глаза распахнулись, впуская меня внутрь, и с каждым тактом пульсаций чужого разума к его бесплотным стенкам прилипали частицы моей души, отшелушившиеся от телесной оболочки. Мой мир, сближаясь с заключавшей его невещественной субстанцией, становился теснее, и в какой-то момент превратился в точку, связавшую все струны вселенной.

— Вам следует ее забыть, свою художницу!

Он умел удивить! С другой стороны, кто в нашем дворе не знал Ольгу! Благодаря ей моя жизнь недолгие два года представляла собой нечто боль-

шее, чем просто жизнь. Забыть ее?! Хороший совет, но невыполнимый. Ты не сказал мне ничего нового, сосед! Твоя таинственность — мишура!

Он исчез, потеряв ко мне интерес, но вскоре вернулся вместе с молодой женщиной, простота платья которой лишь подчеркивала изящество фигуры.

— Вы не хотите назвать свое имя? — остановил я его, понимая, что выгляжу назойливым. Он терпеливо ответил:

— Хозе.

— Хозе одиннадцатый. Но это стилизация. На родном языке его имя звучит так... — женщина прочирикала что-то вроде "оозые" и рассмеялась. — Смешно, не правда ли?

— Это турецкий? — наугад спросил я.

— Разумеется, марсианский! — она вновь рассмеялась.

— Забавно, я считал, что на Марсе нет жизни! — остроумно, как мне казалось, ответил я.

— Никто и не называет жизнью прозябание в подземных городах! Ни за что не соглашайтесь переселиться на Марс! — незнакомка поежилась, словно от холода. Пластичность этого движения оказалась настоящим откровением.

Следующим вечером я вновь встретил ее. Она сидела на перилах напротив моей квартиры, обняв рукой деревянную опору, поддерживающую нависший над галереей скат крыши. Джинсы и футболка сидели на ней так, будто она в них родилась. При солнечном свете незнакомка выглядела юной.

— Хозе живет в соседней квартире, — сообщил я.

— Мне это известно. Но ведь здесь не занято, не так ли?

— Не занято.

— Вообще, я к тебе.

Я даже не удивился, потому что от подобной девушки можно ожидать чего угодно. Звали ее Апрель, хотя таких имен не бывает. Оказывается, Хозе посоветовал ей пообщаться со мной, как она выразилась, "в терапевтических целях". Не вызывало сомнения, что сосед-марсианин столь простым и вульгарным способом пытался заставить меня забыть об Ольге. Его непрошенная забота не вызывала ничего, кроме досады.

— Спасибо, я не нуждаюсь в помощи!

Апрель искренне удивилась.

— Но ведь речь не о тебе! Это я нуждаюсь в помощи!

— Мне бы самому кто помог! — мой тон выдавал меня с головой. Я

проиграл, а девушка одержала безоговорочную победу. Понимая бессмысленность сопротивления, я поинтересовался:

— В чем твоя проблема?

— Я — ртуть. Не могу принять законченную форму, все время растекаюсь.

— С формами у тебя все в порядке! — меня не порадовала собственная острота, но девушка простила ее пошлость, заметив:

— Главное ведь не форма, а содержание, не так ли? Проблема именно с этим.

— Да нет никакой проблемы! Ты умна и красива, что еще нужно?

— Я непостоянна, бессистемна, ленива и всегда нахожусь в неладах с логикой.

— Интересно, как ты смогла так много о себе узнать? Не Хозе ли помог?

— Он, — призналась Апрель. — Но беда в том, что я с ним согласна.

— А в чем выражается непостоянство?

— Легко увлекаюсь, но не могу сосредоточиться на своем увлечении.

Меня тянет на авантюры.

— Ты о мужчинах?

— Обо всем. И о них в том числе.

Она замолчала, и я последовал ее примеру. Мне нечего было ей сказать. Завывание сирены, усиливавшееся с каждой секундой, подсказывало, что карета "скорой помощи" пытается пробиться по Александровскому проспекту в сторону Привоза. Неожиданно ее звучание оборвалось, и наступившая тишина оказалась настолько тягостной, что пришлось прервать ее первым пришедшим в голову вопросом:

— Каким числом датируется твое последнее увлечение?

— Вчерашним.

Глупо задавать вопрос, если ответ очевиден. У неординарной девушки и увлечения должны быть неординарными.

— Что ты знаешь о Хозе?

— Не очень много. Но его интеллект подавляет.

— Почему ты зовешь его марсианином?

— Он битых два часа рассказывал мне о Марсе. Хозе — известный поэт. По крайней мере, по его собственным словам. Он читал мне свои стихи. Не знаю языка, на котором они написаны, но стихи замечательные — я в этом уверена.

— Думаю, он просто гипнотизер или что-то в этом роде. Тебя не смущает разница в возрасте?

Апрель взглянула на меня, не скрывая раздражения.

— Послушай, я ведь не сказала, что мое увлечение — Хозе!

— Не Хозе? А кто же? — выглядел я, наверное, глуповато, потому что Апрель рассмеялась.

— Неважно. Что бы ты посоветовал? В смысле проверки чувства.

— Простой тест, но для ртути невыполнимый, — ответил я после секундной паузы. — Ты должна застыть.

— Объясни! — потребовала она.

— Предупреди своего избранника, что следующая встреча состоится нескоро.

— Насколько нескоро? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Вспомни, как тебя зовут! — пошутил я. — Лучшая дата — 1 апреля.

— Я не смогу! — честно ответила она. — Это слишком долго. Сейчас только сентябрь!

— Значит, тебе нечего проверять! — жестко отрезал я.

— Ты сам так смог бы?

— Да! И если бы я понял, что считаю каждый день, оставшийся до назначенного срока, а потом каждый час и каждую минуту, волнуясь, как мальчишка, и боясь, что она не придет, то точно знал бы, насколько мое увлечение является настоящим чувством.

Наши взгляды встретились, и пауза затянулась дольше, чем позволяли приличия. Потом Апрель протянула мне руку, и я помог ей спуститься. Почему мне не хотелось выпускать ее пальчики из своей ладони? Она осторожно высвободилась и сделала шаг назад.

— Наверное, я пойду!

Знакомое чувство пустоты возвращалось после кратковременной саволки. Загадочным образом в этот раз оно было связано с уходом Апрель, любившей не меня и любимой не мною.

— Кажется, я не очень помог тебе?

— Да, только все усложнил! — ответила она грустно.

— Прости, настроение было неподходящее. Приходи в другой раз, ладно? Обещаю исправиться.

— Хорошо, я приду! — она направилась по галерее к лестнице, и я выкрикнул ей вслед:

— Когда тебя ждать?

— 1 апреля.

Она скрылась, но ее смех донесся с лестничной клетки:

— Ты сам назначил этот срок!

Я присел на сундучок напротив своей квартиры. У меня не было на-

строения заходить внутрь. Там была территория Ольги. Веранда пока оставалась территорией Апрель.

— Славная девочка!

Я и не заметил, как ко мне подошла Софа. Выпустив струйку синеватого дыма, она на мгновение стала похожей на мультяшного дракончика.

— Точно! — подтвердил Ося, явившийся вслед за женой. — Нам с Софочкой она понравилась!

— У нее есть вкус! — добавила вышедшая из своей квартиры Марина, придававшая наличию вкуса первостепенное значение.

Для полноты картины не хватало только Валентина, и он не заставил себя ждать, открыв двери загородки, отделяющей его часть веранды, и сообщив:

— Она караулила тебя не меньше двух часов!

Столь пристальное внимание соседей являлось обстоятельством скорее трогательным, чем досадным, но я вынужден был честно признать:

— Думаю, мы ее больше никогда не увидим!

Разочарованные соседи начали расходиться, оставив меня в худшей из возможных компаний — наедине с самим собой. В этом непривлекательном обществе я пребывал до тех пор, пока на галерее не объявился направлявшийся домой Хозе.

— Встретил Апрель! — сообщил он, оставаясь узнаваемо кратким, но, осознав двусмысленность сказанного, добавил: — Хотя сейчас только сентябрь.

Это было приглашение к разговору, и я откликнулся на него, спросив:

— Откуда вы родом?

Он отрицательно покачал головой, не собираясь отвечать на вопрос.

— Понимаю, я ведь не девушка! Про Марс мне втирать очки бесполезно! — сязвил я.

— Апрель — противоположность Ольги! — изменил тему разговора сосед. — Противоположности едины.

— Думаете, Апрель еще появится?

Он пожал плечами и направился к своей двери.

— Вам она нравится? — спросил я вдогонку.

— Речь не обо мне. Когда-то вам придется снять покрывало с холста.

Он исчез. Этот человек умел бить точно в солнечное сплетение. Через крохотную прихожую я вошел в свою комнату. На диване обложкой вверх лежала открытая книга. В углу возле приотворенного окна примостился мольберт, завешенный куском серого полотна. Он стоял там уже больше года, скрывая так и не увиденный мною холст. Мольберт и картина — все,

что осталось от Ольги. Когда я вернулся из командировки, она впервые не ждала меня дома. Записка на столе все проясняла:

Милый братец Лис!

Лучше я уйду сейчас, потому что с твоим возвращением сделать это будет в тысячу раз сложнее. Ты был всей моей жизнью, а я только частью твоей. Когда-то мне этого хватало, а теперь нет. Как я хотела, чтобы ты изменился, но в результате изменилась сама, и это худшее из того, что могло произойти. Теперь я способна жить без тебя. Причиной этому — мое творчество. Ты никогда не скрывал своего снисходительного к нему отношения и был, конечно, прав, но с недавних пор что-то во мне переродилось, превратившись в острое ощущение правильного видения вещей. Я понимаю, что должна пройти долгий путь, прежде чем стану настоящим художником, но этот путь мне придется пройти без тебя.

Ты ни в чем не виноват, братец Лис, просто устроен иначе! Я хотела бы сказать, что разлюбила тебя, но пока не научилась врать.

Оставляю картину, написанную в твое отсутствие. Когда ты согласишься с тем, что больше не увидишь меня, сними с холста покрывало. Может быть, тебе что-то станет понятнее...

Ольга

Этого письма не читал никто. О картине тоже никому не было известно. Осведомленность Хозе казалась неправдоподобной, но я понимал, что всему есть простое объяснение. К сожалению, мне его найти не удалось.

Ольга ушла, оставив после себя идеально убранную квартиру. Она проводила здесь столько времени, что рассматривалась соседями как неотъемлемая ее часть. Ольга покидала дом только на занятия и пленэры, игнорируя разгульную жизнь сокурсников. В отличие от меня, она была удивительно домашним существом. Ее решение оказалось полной неожиданностью.

Теперь я сам большую часть времени провожу дома. Мои друзья считают, что их ветреный друг остепенился, но они ошибаются. Я просто боюсь, что если Ольга когда-нибудь вернется и не застанет меня, то уйдет вновь, и уже навсегда. Время в ожидании ее возвращения течет удивительно медленно.

Откуда Хозе столько о нас знает? Я присел на диван и занялся тем единственным, что сделало меня высококлассным программистом, — размышлениями. Логика подсказала единственно возможный ответ. Но где на своем извилистом пути Хозе встретил Ольгу? Проще всего было спросить его самого.

Я направился к двери соседней квартиры, но звонить не пришлось. На черной дерматиновой поверхности ниже глазка белела прикрепленная скотчем записка:

Уехал надолго.

Я готов был поклясться, что он написал ее для меня.

Прошло несколько месяцев. До окончания зимы осталась неделя, но холода только-только начались по-настоящему. Мороз остудил стены дома, понизив температуру в квартире до дискомфортно низкой отметки. Я отогревался чаем и двумя надетыми один поверх другого свитерами. Работать приходилось так много, что на сон почти не оставалось времени. Жить в горячечном ритме предстояло до тех пор, пока мои израильские работодатели не получат, наконец, законченную их одесским наемником программу. Напряженная мысленная деятельность отвлекала от мыслей об Ольге: впервые за последнее время я поймал себя на том, что не жду звонка в дверь. Изредка вспоминалась Апрель, появившаяся в моей жизни в неподходящий момент. В памяти не сохранилось отчетливо ни одной черты ее лица, только ощущение теплоты от прикосновения тонких пальчиков в момент, когда я помогал девушке спуститься на веранду. Почему я так легко дал ей уйти?

Стук в дверь проинформировал о личности посетителя. Не знаю почему, но Валентин никогда не пользовался звонком. Он не вошел, а ввалился в квартиру, чтобы не напустить в прихожую лишнего холода.

— Как вам это нравится? В нашей мэрии кто-то тронулся, не иначе! Вы видели, что они повесили на фасаде? — не дожидаясь ответа, он пояснил: — Мемориальную доску. Софа с Осей просто возмущены! Они же все перепутали, эти чиновники! У нас такой жилец никогда не проживал!

Увидев отсутствующее выражение моего лица, тактичный Валентин счел за благо удалиться, не развивая тему дальше. Следующим утром я понял причину возмущения соседей. Выходящая на проспект стена здания оказалась украшенной мраморной табличкой со следующим текстом:

*В этом доме с 30 марта 200... по 1 апреля 200... года проживал
известный марсианский исследователь Хозе И. Левин*

Все стало на свои места. Хозе И. Левин — это Хозе Одинадцатый. Я понял шутку Апрель. (Игра слов: *илевен* в переводе с английского — *одинадцать*.)

Итак, загадочный сосед приобрел, наконец, полное имя, а с ним и земной статус. Определилась даже его профессия — астроном. Безграмот-

ность чиновников поражала: следовало писать не марсианский исследователь, а исследователь Марса. Да, в какое время мы живем!

Но что-то в тексте смущало. Я пригляделся внимательнее. Ну конечно, последняя дата — 1 апреля 200... — еще не наступила! Вопиющая безграмотность!

Спустя две недели я оказался по делам в управлении культуры. События выяснить историю появления мемориальной доски оказался настолько большим, что я разыскал в одной из комнат женщину, отвечающую за охрану памятников.

— Вы находите меня настолько некомпетентной? — поинтересовалась она в ответ на мои претензии к ее работе. Менее всего эта дама выглядела безграмотной, поэтому мой вопрос прозвучал как извинение:

— Тогда в чем фишка?

— В дате. Мы подготовили эту доску ко Дню смеха по представлению Общества дружбы с Марсом. Они же и оплатили работы.

— У нас есть такое общество?

— Разве мы живем не в Одессе?

Я вернулся домой. Похоже, ситуация прояснилась: один из друзей моего соседа решил столь необычным способом разыграть одесситов. Поскольку дальнейшие умозаключения ни к чему не приводили, мне пришлось вернуться к работе.

Конец марта выдался теплым. Я сдал очередной кусок программы и наслаждался отдыхом. Изредка появлялось предательское желание взглянуть на оставленную Ольгой картину, но всякий раз мне удавалось подавить его. Успокаивало, что я почти не вспоминал об Апреле. Вечером тридцать первого марта друзья пригласили меня на вечеринку, окончившуюся полным конфузом: хозяев мероприятия залили водой соседи сверху. Мы разошлись с облегчением, и мысль продолжить общение в другом месте ни у кого не нашла поддержки.

Остаток вечера я провел дома за чтением, изредка поглядывая на часы. Полночь; начался новый день — возможно, один из самых мучительных в моей жизни. Почему я позволил ей уйти?

Еще час я убеждал себя, что мы с Апрель совершенно не подходим друг другу. Логика такого вывода была безупречной, но не приносила облегчения. Когда в два часа прозвенел входной звонок, я понял, я бросился к двери, но за ней была не Апрель.

— Не спите? — удивился Хозе, но увидев разочарованное выражение моего лица, мгновенно все понял. — Вряд ли она придет ночью!

— У меня есть к вам вопросы! — обратился к нему я.

— А у меня к вам просьба.

Он хотел, чтобы я принял участие в уголовно наказуемом деянии — похищении мемориальной доски, поскольку сделать это вдвоем было легче, чем одному. Не знаю почему, но я пришел в восторг от идеи. Инструмент мы позаимствовали у Валентина на веранде, для чего мне пришлось перелезть через выступ загородки, подвергнув свою жизнь реальной опасности свалиться на каменные плиты внизу.

Похищение прошло гладко, и спустя несколько минут мы вновь оказались в моей квартире. Хозе, бережно прижимавший к груди мраморную табличку, выглядел довольным жизнью.

— Спрашивайте! — предложил он.

Я намеревался узнать что-нибудь об Ольге, но задал совсем другой вопрос:

— Для чего вам мемориальная доска?

— Каждая вещь вмещает в себя разные содержания. В этом предмете заключены два смысла. Для вас он — мемориальная доска, для меня — извещение об окончании пребывания в городе.

Оказывается, Хозе умел изъясняться витиевато. Вот уж не ждал!

— А зачем было сей предмет снимать со стены? — поинтересовался я с иронией, но застать этого парня врасплох, конечно, не удалось.

— Скажите, возвращаясь из служебной поездки, вы предъявляете командировочное удостоверение с заверенными датами прибытия и убытия?

— Вы действительно исследователь? Или все-таки поэт?

— Поэт. Имела место неточность перевода: на нашем языке исследователь и поэт — синонимы.

Он на все находил ответ, мой сосед Хозе!

— Есть ли у вас стихи на русском языке?

— Знал, что спросите! — улыбнулся мой ночной гость и достал из кармана листок бумаги. Следует признать — пока он переигрывал меня по всем статьям.

Иссякая с приходом ночи,
чертит дождь на стекле дорожки.
Прожит день, как один из прочих:
не наполненный, не порожний.

Среди слипшейся паутины
двух деревьев косые тени
на диване моем картинно
разлеглись в полутьме осенней.

Серым сумраком в пятнах света —
перекрестия и изломы
полуголых дрожащих веток,
и знакомых, и незнакомых.

А в вине, на столе разлитом,
Колонковая кисть тонула.
И свисал пуловер забытый
на неубранный пол со стула.

— Ну, как вам? — голос Хозе выражал самодовольство.

— Честно говоря, я не знаток поэзии. По-моему, стихи — так себе.

— Вы не понимаете смысла этого творения, — снисходительно пояснил Хозе. — Но очень скоро его оцените.

Не вдаваясь в спор, я задал главный вопрос:

— Вы встречались с Ольгой?

— Не имел такой чести! — признался он, не скрывая сожаления.

— Откуда же знаете про картину?

— Видел ее.

Вот оно — простое объяснение! Замок на входной двери не представлял сложности для профессионала. Недаром сосед так напоминал обычного уголовного.

Но я опять попал впросак.

— Вы же не думаете, надеюсь, что я влез к вам в квартиру? — вкрадчиво поинтересовался Хозе, устраняя подозрения самым тоном вопроса. Этот человек видел меня насквозь.

— Тогда где...

Он не дал мне закончить вопрос, пояснив:

— В своем воображении. Но нет смысла это обсуждать. Поверьте, видимый вами мир на самом деле находится внутри каждого из нас.

Возможно, Хозе был прав, а возможно, и нет. Я не смог удержаться от иронии:

— Если вы видели холст, то знаете, что на нем?

- Конечно. До мельчайших подробностей.
- Не могли бы вы описать картину?
- Думаю, в этом уже нет необходимости! — беззаботно ответил он.

Разговор потерял смысл. Почувствовав это, мой гость отправился вояси, унося под мышкой свое командировочное удостоверение. Судя по симптомам, Хозе был обыкновенным психом из разряда безобидных. Но, может быть, он просто разыгрывал меня?

Ближе к утру я решился.

Растянутое в подрамнике полотно поддразнивало меня, требуя снять скрывавшее его покрывало, и в какой-то момент искушение стало непереносимым. Я даже не почувствовал собственного движения, но серая ткань соскользнула на пол, и комната, сжавшаяся до размеров холста, поразила своим запустением.

Диван у дальней стены, казавшийся непропорционально большим, таялся в сумраке осенней ночи, а падающий из окна свет выделял бледный прямоугольник на его спинке и близлежащей части обоев. Этот прямоугольник сам по себе являлся отдельным произведением искусства с завораживающей геометрией, состоявшей из пересечений и изломов теней веток, почти лишившихся листьев, на фоне едва заметного узора извилистых дорожек дождя на стекле. Комки приклеившейся к шероховатой обивке паутины навевали чувство безысходности.

Стол на переднем плане, изображенный в развернутой наискось плоскости, соседствовал со стулом, с чьей спинки, касаясь рукавами давно не убиравшегося пола, свисал пуловер Ольги.

В лужице разлитого на столешнице вина мокла брошенная ею кисть.

